

УДК 316.7
ББК 71.0

СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ П. БУРДЬЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тангалычева Румия Кямильевна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
rimma98@yahoo.com
ул. Смольного, 1/3, 191124 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В работе анализируются такие категории структуралистского конструктивизма П. Бурдье, как «социальное пространство», «поле», «габитус», «символическая власть», «кодификация», «кодифицированный ритуал» и другие. Они рассматриваются с точки зрения их использования в исследованиях межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация определяется в данной статье как совокупность разнообразных отношений между людьми, относящимися к разным культурам. При этом различия в восприятии культурных смыслов и символических систем должны быть достаточно ощутимыми для того, чтобы изменить коммуникативное событие и расширить культурную картину мира участников взаимодействия. В работе осуществляется попытка применения аналитического аппарата Бурдье к изучению конкретных кейсов межкультурной коммуникации, посвященных воспроизводству социального насилия на примере американской и японо-корейской системы образования и практикам кодифицирования в российско-корейских смешанных браках.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, социальное пространство, поле, габитус, символическая власть, кодификация, кодифицированный ритуал, кейсы межкультурной коммуникации.

В условиях интернационализации и глобализации социальной жизни происходит интенсификация контактов между представителями разных культур. Практически каждый человек имеет возможность или вынужден

вступать в такие взаимодействия. В настоящее время более 200 млн людей живут вне страны своего рождения. Вместе с тем в реальной жизни успешная коммуникация представителей разных культур остается до сих

пор лишь неким прагматическим идеалом, от которого зависит как их комфортное сосуществование или интеграция в структуру принимающего общества, так и эффективная деятельность организаций и институтов. Поэтому особую актуальность приобретает проблематика исследований межкультурной коммуникации, которая базируется на концепциях и методах антропологии, психологии, лингвистики, теории коммуникации, семиотики, социологии и других дисциплин.

Мы определяем межкультурную коммуникацию как совокупность разнообразных форм отношений и общения между людьми, относящимися к разным культурам. При этом различия в восприятии культурных смыслов и символических систем должны быть достаточно ощутимыми для того, чтобы изменить коммуникативное событие и расширить культурную картину мира участников взаимодействия.

Цель данной работы заключается в анализе и уточнении некоторых понятий структуралистского конструктивизма П. Бурдьё с точки зрения их применения в исследованиях межкультурной коммуникации.

«В социологии П. Бурдьё понятие “социальное пространство” представляет собой форму, выражающую определенные отношения, которые проявляются как способы координации между состояниями предметов исследования. Содержанием данной формы выступают изучаемые социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства, постулируемого субстанциализмом в качестве самостоятельной, независимой от эмпирической социальной действительности формы бытия» [12, с. 556–557]. Социальный мир в терминах Бурдьё – это социальное пространство, сконструированное на основе совокупности активных свойств агентов.

Пространство межкультурных взаимодействий складывается из совокупности индивидуальных и коллективных агентов плюралистического общества, которые относятся к разным культурам и имеют неравные социальные позиции. Позиция индивида в этом социальном пространстве зависит от ряда внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относят пол человека, его возраст, черты характера, уровень

образования, мотивы освоения инокультурного пространства, опыт пребывания в чужой среде. Так, чем старше люди, тем труднее они адаптируются к новому. Социальные психологи выявили черты личности, позволяющие лучше освоиться в новом социальном окружении: выигрывают те, кто обладают высокой профессиональной компетентностью, высокой самооценкой, общительностью, являются экстравертами, обладают открытостью взглядов, интересом к окружающим людям, терпимостью к неопределенности, внутренним самоконтролем, смелостью и настойчивостью, эмпатией. Самая сильная мотивация обычно у эмигрантов, которые стремятся переехать на постоянное место жительства в другую страну. Намного хуже обстоит дело с вынужденными переселенцами и беженцами, которые не хотели покидать своей родины и не желают привыкать к новым условиям жизни [4, с. 265].

Среди внешних факторов, влияющих на приспособление к инокультурной среде, а следовательно, на повышение в ней личного статуса, прежде всего, следует назвать культурную дистанцию, то есть степень различий между родной культурой и той, к которой происходит адаптация. Речь идет не столько о самой культурной дистанции, сколько о субъективном ощущении человеком этой культурной дистанции, зависящем от множества факторов. Это может быть, допустим, наличие или отсутствие войн или конфликтов между странами как в настоящем, так и в прошлом.

«Поле» в терминологии Бурдьё есть сеть отношений между объективными позициями. Эти отношения существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Занимать позиции могут как агенты, так и институты. В любом случае их связывает структура поля. В социальном мире существует ряд полуавтономных полей (например, художественное, религиозное, высшего образования), каждое из которых обладает своей собственной особой логикой и системой значений.

Наибольшее значение, по Бурдьё, имеет поле власти (политики). Иерархия властных отношений в рамках политического поля структурирует все прочие поля. Государство является местом борьбы за монополию над тем, что он называет символическим насили-

ем. Это «мягкая» форма насилия – «насилие, которое применяется к социальному агенту при его соучастии». Символическое насилие осуществляется косвенно, во многом посредством механизмов культуры и противоположно более непосредственным формам социального контроля. Основным институтом, посредством которого к людям применяется символическое насилие – это система образования (цит. по: [9, с. 463–464]). «Система образования есть одно из мест, где в дифференцированных обществах производятся и воспроизводятся системы мышления...» [3, с. 551].

Система образования в любой стране базируется на тех фундаментальных идейных принципах, которые формировались столетиями и представляют собой, с одной стороны, институциональные и конвенциональные нормы и правила и, с другой стороны, некую квинтэссенцию социального опыта общества. Для уточнения того, каким образом происходит культивирование косвенных форм символического насилия, обратимся к примерам из американской и японо-корейской системы образования.

Идейными источниками системы американского мышления и поведения являются основы христианской морали и «Билль о правах американцев» 1791 г., закрепленный «Конституцией США». Основы христианской морали, изложенные в Библии, представляют собой для американцев тот идеал, к которому, как предполагается, должны следовать все члены общества. Первый важный источник для конструирования повседневного поведения американцы черпают из «Десяти Заповедей», изложенных в Ветхом Завете. Конечно же, нельзя признать, что все члены общества строго следуют этим заповедям, поскольку американское общество, как известно, характеризуется одним из самых высоких уровней преступности в мире (включая воровство и убийства), высоким процентом разводов и, как следствие, воспитанием детей в неполных семьях.

Тем не менее, как полагают американские эксперты, «Десять Заповедей» все-таки оказывают влияние на поведение и ожидания большинства американцев. К примеру, в США есть специальные праздники, посвященные обоим родителям, – День матери и День отца.

Эти праздники отмечаются в июне. Вместе с тем в стране нет праздника детей. Одной из важнейших заповедей американцы считают девятую – «не лги». Ложь в американском обществе действительно рассматривается как нечто постыдное и ошибочное, а человек, названный «лжецом», как правило, теряет всеобщее уважение.

Помимо «Десяти Заповедей», в американском обществе глубоко укоренилось так называемое евангельское «Золотое Правило», которое гласит: «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой». Эта идея способствует интеграции американского общества и широкому распространению в последние десятилетия концепций эгалитаризма.

«Билль о правах» 1791 г., который наряду с христианскими основами является тем фундаментом, на котором выстраивается система мышления и поведения американцев, в целом утверждает свободу от государственного контроля и влияния. Он отражает баланс таких категорий, как «индивидуальность», «свобода» и «ответственность». Американцы в целом скептически относятся к вмешательству государства как в личные дела граждан, так и в дела штатов. Им свойственно фокусировать внимание на своих правах, закрепленных «Конституцией США», однако, по мнению самих же американцев, они часто интерпретируют эти конституционные права по собственному усмотрению. Вместе с тем можно ожидать, что средний американец будет критически настроен по отношению к элитизму в любых его формах, особенно к социальной иерархии.

Идейными источниками дальневосточного поведения и мышления являются буддизм, конфуцианство и религиозный синкретизм. Термин «религиозный синкретизм», по мнению исследователей, может быть применен и к Японии, и к Корее [7, с. 413]. До начала европейского проникновения религиозная жизнь этих стран определялась взаимодействием трех компонентов. Первым из них было конфуцианство, которое играло роль государственного культа и во многом определяло действия человека в сфере общественных и семейных отношений, политики и права, а также регулировало отправление ритуалов, связанных с культом предков.

Вторым компонентом триады был буддизм, обладавший развитой метафизикой и апеллировавший к человеку как к индивидууму, размышлявшему о своем месте в мироздании. В роли третьего компонента в разных странах выступали разные доктрины: в Китае – даосизм, в Японии – синтоизм, в Корее – шаманизм. При всех различиях этих религиозных систем для «третьего компонента» везде была характерна тесная связь с традиционными народными верованиями и бытовой магией. Подавляющее большинство жителей стран Дальнего Востока исповедовало все эти три религии одновременно, не видя никакого противоречия между ними. Один и тот же человек совершал конфуцианские обряды поклонения душам предков, молился в буддийских монастырях и обращался за помощью к чарам даосов или шаманок. Подобная ситуация всегда приводила в изумление европейцев, привыкших к совсем другим принципам организации религиозной жизни.

Из буддизма в систему японского образования были перенесены идеи о самодисциплине, настойчивости, целеустремленности, ограничении желаний. Конфуцианство послужило в Японии основой разработки в 1950-е гг. системы этического воспитания «дотоку», а в 1960-е гг. – «программы формирования человека» («хотодзикури»). Хотя программа преследует две цели: повышение уровня научно-технической образованности населения и качества этического воспитания учащихся, именно вторая часть программы является главной. Идеи Конфуция об уважении к старшим, о долге, вежливости, почтительности и т. д. нашли отражение и официальное закрепление в правительственных документах. Известные положения конфуцианства об интенсивном обучении и непрерывной цепи экзаменов воплотились в предметные образовательные методики.

В японской концепции образования слились воедино исконно японские, классические восточные и западные мировоззренческие и поведенческие установки. В качестве их национально-психологического аспекта выступает конструкция «синто-бусидо», причем «синто» образует духовные, а «бусидо» – поведенческие элементы. «Синто» учит японцев поклонению предкам и природе, но вместе с тем

воспитывает у них национальный дух, национальную исключительность. Будучи с колеблели пропитанным идеями «синто», японец на все иностранное смотрит с позиций этой системы верований и старается переработать его на «местный лад». «Бусидо» ориентирует японца на воспитание у себя волевых черт характера и специфических норм поведения. Самурайские доблести – верность, чувство долга, вежливость, мужество и скромность – культивируются с первых классов начальной школы. В Японии поведенческие ориентиры «бусидо» неизбежно пробуждают у школьников националистические настроения. Японских школьников восхищают подвиги самураев. Они соперничают литературным героям феодального эпоса, отдавшим жизнь ради сохранения самурайской чести, и их родителям, вдохновившим на это своих детей. Конечно же, прямая пропаганда самурайских доблестей в школе в настоящее время в Японии не ведется. Однако демонстрируемые на уроках этики кинофильмы и телепередачи непременно несут в себе заряд самурайства. Этот заряд всемерно стараются сохранить в различных нормах социальной регуляции – правовых, этических, обрядовых. «Бусидо» в данном случае выступает как костяк поведенческой ориентации [8, с. 293–294].

Охарактеризованные выше идейные источники американского и дальневосточного типов поведения и мышления сказываются на тех принципах и содержательных сторонах систем образования, в недрах которых происходит не только передача необходимых знаний и навыков, но и процесс приспособления индивидов к жизни и активной деятельности как в родном обществе, так и в мультикультурном социуме. Таким образом, символическое насилие, осуществляемое системой образования, по Бурдые, транслируется через довольно жесткое привитие норм, идеалов и образцов поведения, закрепленных в «культурном теле» каждого специфического общества. Оно отпечатывается «родимыми пятнами» на судьбах представителей конкретных культур и трансформируется только в ходе аккультурации, освоения инокультурных образцов мышления и поведения, когда в результате формирования бикультурной или мультикультурной личности происходит не только приспособление к новому, но и

подлинное осознание ценности собственной (первоначальной) культуры.

Габитус, по Бурдьё, – это «ментальные, или когнитивные структуры», посредством которых люди действуют в социальном мире. Люди наделены рядом интериоризированных схем, через которые они воспринимают, понимают и оценивают социальный мир. Именно через такие схемы люди как производят свои практики, так и воспринимают и оценивают их. «Являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени [2, с. 105–106].

По Бурдьё, габитус, как система предрасположенностей к практике, является объективным фундаментом упорядоченного поведения. Однако такое поведение не обладает красивой упорядоченностью, выведенной из законотворческого принципа: габитус выступает в паре с расплывчатостью и неопределенностью, что делает невозможным полностью положиться на габитус в критических опасных ситуациях. «Можно считать общим законом: чем более опасна ситуация, тем более стремятся кодифицировать практику. Степень кодификации варьируется вместе со степенью риска... Чем более ситуация будет – в потенциальном состоянии грозить насилием, тем более нужно соблюдать формальности, тем больше поведение, полагающееся на свободную импровизацию габитуса, будет уступать место поведению строго регламентированному посредством методично установленного и даже кодифицированного ритуала. Достаточно подумать о языке дипломатии или о протокольных правилах, которые фиксируют старшинство и приличия в официальных ситуациях» [1, с. 120].

Нами было проведено межкультурное исследование «Культурные различия в российско-корейских смешанных браках», в ходе которого были выявлены особенности взаимо-

действий брачных партнеров, относящихся к разным культурам [11, с. 299–309]. Говоря о специфике корейской семьи, необходимо отметить, что в настоящее время в Южной Корее происходит переход от традиционной расширенной патриархальной семьи к современной, нуклеарной. Вместе с тем конфуцианство, хотя и лишилось статуса официальной идеологии, по-прежнему является основой корейской культуры. Как известно, конфуцианская традиция придавала семье огромное значение, ставя ее на первое место в перечне коллективов, к которым принадлежит индивид. В этом отношении семья и сегодня продолжает играть важную роль в системе индивидуальных и общественных ценностей.

Корейское общество чрезвычайно отличается иерархичностью. Это относится и к корейской семье. В соответствии с конфуцианскими представлениями, в семье существует четкое разделение на старших и младших, мужчин и женщин. В корейской семье бытовые обязанности ложатся на плечи жен. Четкое противопоставление «внешнего» и «внутреннего» (то есть домашнего) мира в таких семьях привело к неожиданным последствиям. Жена является полновластной хозяйкой во «внутренних» делах, и поскольку в современной товарной экономике управление домом превратилось в первую очередь в управление расходами, то в корейских городских семьях именно жена полновластно распоряжается финансами. В подавляющем большинстве семей рабочих и служащих муж отдает жене всю свою зарплату.

Поскольку смешанные корейско-российские браки не могут быть точной копией чисто корейских браков, то обратимся к их специфическим особенностям. В ходе проведенного исследования выяснилось, что в корейско-российских браках не прослеживается четкого иерархического стиля семейной жизни. Что касается распределения обязанностей в семье, то можно говорить о том, что есть семьи, где четко прописаны роли жены и мужа и где такого жесткого распределения нет. Большинство респонденток отметило отсутствие такого распределения обязанностей: в таких браках молодые совместно решают бытовые вопросы, в некоторых семьях муж участвует в процессе приготовления еды,

уборки, посещения магазинов, что совсем не характерно для типично корейских семей.

В ходе исследования россиянками, вышедшими замуж за корейцев, были отчетливо обозначены также и различия в праздниках, семейных ритуалах и обрядах жизненного цикла. Так, им было непривычно осознавать отсутствие в корейской культуре привычных для россиян праздников – Нового года, 8 Марта, Дня рождения. Все участницы исследования отмечали, что их мужья просто забывали дату рождения своей жены, так же как, впрочем, и свою. Дело в том, что в Южной Корее день рождения отмечают по лунному календарю, согласно которому день рождения не имеет постоянной, повторяющейся из года в год даты – ее надо считать каждый год заново. Новый год также празднуют по лунному календарю в феврале-марте в кругу семьи, когда все родственники собираются в родительском доме. Важно отметить, что в тех семьях, где мужья прожили некоторое время в России, справляют Новый год 31 декабря и поздравляют жен с 8 Марта. Таким образом, в некоторых корейско-российских семьях сочетаются традиции российской и корейской культуры.

Если говорить о более современных праздниках, сформировавшихся в результате глобальных веяний, респондентки также обратили внимание на существенные различия. Так, например, в России День всех влюбленных отмечается 14 февраля, когда молодые люди и девушки преподносят друг другу подарки, объясняются в своих чувствах. В Южной Корее дело обстоит иначе. 14 февраля в День Святого Валентина, если девушки хотят признаться в симпатиях молодому человеку, они дарят им конфеты. 14 марта празднуют так называемый «Белый день», когда, наоборот, юноши дарят конфеты девушкам и признаются им в любви. 14 апреля отмечают так называемый «Черный день», когда те, кто не получил конфет, идут есть лапшу с коричневым соусом, что свидетельствует о том, что человек не нашел свою пару.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости пересмотра партнерами по смешанному браку ранее усвоенных в родных культурах норм, правил, образцов поведения и о необходимости выработки но-

вых «гибких» правил игры, или коммуникативных кодов. Л.Г. Ионин приводит две предпосылки, без которых невозможен переход от моностилизма к полистилизму в отношениях между акторами. «Первая предпосылка – терпимость граждан по отношению к новым и чуждым культурным стилям и формам, их готовность жить в достаточно сложной политической культурной среде. Вторая предпосылка – наличие формальных (в том числе и законодательно утвержденных) правил взаимодействия различных стилей, форм культур, традиций в нормальном контексте повседневной жизни» [5, с. 216].

Продолжая рассуждать о значении кодификации, Бурдые пишет, что она «минимизирует экивоки и неясности, в частности, во взаимодействиях... Встреча очень отдаленных групп – это встреча двух серий независимых каузальностей. Между людьми одной группы, обладающими одинаковыми и, следовательно, синхронно оркестрованным габидусом, все идет без слов, даже конфликты; они понимают друг друга с полуслова и т. п. Но с разными габидусами появляется возможность происшествия, коллизии, конфликта... Кодификация является основополагающей, поскольку обеспечивает минимальную коммуникацию. Но можно проиграть в шарме. Малокодифицированные общества, где главное предоставлено чувству игры, импровизации, имеют огромный шарм. Чтобы выжить в них и, особенно, чтобы в них господствовать, нужно быть гением социальных связей, иметь совершенно исключительное чувство игры. Нужно, несомненно, быть значительно более изворотливым, чем в наших обществах» [1, с. 124].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что понятия П. Бурдые «социальное пространство», «социальные поля», «габитус», «символическая власть», «кодификация», «кодифицированный ритуал» могут быть продуктивно применены в исследованиях межкультурной коммуникации. Они были применены нами для конструирования конкретных кейсов межкультурной коммуникации, посвященных культурному воспроизводству в западной и восточной системе образования и культурным различиям в корейско-российских смешанных браках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё, П. Начала. Choses dites / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2005. – 576 с.
4. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
5. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 1996. – 431 с.
6. Коркюф, Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф. – СПб. : Алетейя, 2002. – 172 с.
7. Ланьков, А. Н. Корея: будни и праздники / А. Н. Ланьков. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 473 с.
8. Пронников, В. А. Японцы. Этнопсихологические очерки / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М. : Наука, 1985. – 348 с.
9. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
10. Тангалычева, Р. К. Теории и кейсы межкультурной коммуникации в условиях глобализации / Р. К. Тангалычева. – СПб. : Алетейя, 2012. – 248 с.
11. Тангалычева, Р. К. Культурные различия в российско-корейских смешанных браках / Р. К. Тангалычева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «Социология, психология, педагогика». – 2011. – № 3. – С. 299–309.
12. Шматко, Н. А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё / Н. А. Шматко // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 554–574.
13. Oak, S. American-Korean Contrasts. Patterns and Expectations in the U. S. and Korea / S. Oak, V. Martin. – Seoul : HOLLYM, 2001. – 254 p.
2. Bourdye P. *Prakticheskiy smysl* [Practical Meaning]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 562 p.
3. Bourdye, P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Field and Practices]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2005. 576 p.
4. Grushevitskaya T.G., Popov V.D., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii* [Fundamentals of Intercultural Communication]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2002. 352 p.
5. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury: put v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: the Way into New Millennium]. Moscow, Logos Publ., 1996. 431 p.
6. Korkyuf F. *Novye sotsiologii* [New Sociologies]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2002, 172 p.
7. Lankov A.N. *Koreya: budni i prazdniki* [Korea: Weekdays and Holidays]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2000. 473 p.
8. Pronnikov V.A., Ladanov I.D. *Yapontsy. Etnopsikhologicheskie ocherki* [Japanese. Ethno-Psychological Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 348 p.
9. Rittser Dzh. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theory], 5th ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p.
10. Tangalycheva R.K. *Teorii i keisy mezhkulturnoy kommunikatsii v usloviyakh globalizatsii* [Theory and Cases of Intercultural Communication in the Context of Globalization]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2012. 248 p.
11. Tangalycheva R.K. *Kulturnye razlichiya v possiysko-koreiskikh smeshannykh brakakh* [Cultural Differences in the Russian-Korean Mixed Marriages]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika"*, 2011, no. 3, pp. 299-309.
12. Shmatko N.A. "Sotsialnoe prostranstvo" Pyera Burdye ["Social Space" of Pierre Bourdieu]. Bourdye P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2005, pp. 554-574.
13. Oak S., Martin V. *American-Korean Contrasts. Patterns and Expectations in the U.S. and Korea*. Seoul, HOLLYM, 2001. 254 p.

REFERENCES

1. Bourdye P. *Nachala. Choses dites* [Origins. Choses dites]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p.

**BOURDIEU'S STRUCTURALIST CONSTRUCTIVISM
AS THE THEORETICAL PERSPECTIVE
FOR THE STUDY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Tangalycheva Rumiya Kyamilyevna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Department of Sociology of Culture and Communications,
Saint Petersburg State University
rimma98@yahoo.com
Smolnogo St., 1/3, 191124 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article analyzes such categories of Bourdieu's structuralist constructivism as "social space", "field", "habitus", "symbolic power", "codification", "codified ritual" and others. They are considered in terms of their use in the studies of intercultural communication. The intercultural communication is defined in this article as a set of diverse relations between people belonging to different cultures. The differences in the perception of cultural meanings and symbolic systems should be sufficiently tangible to change the communicative event and expand cultural worldview of interaction participants. The paper is an attempt to use the analytical apparatus of Bourdieu in the study of specific cases of intercultural communication, dedicated to reproduction of symbolic power by the example of the American and Japanese-Korean education systems and codification practices in Russian-Korean mixed marriages.

Key words: intercultural communication, social space, field, habitus, symbolic power, codification, codified ritual, cases of intercultural communication.